

глазами
военных,
мирных,
волонтёров

Перед вами ознакомительный фрагмент «Книги Z».
«Книга Z» – сборник честных рассказов от участников и очевидцев. Цель книги – дать читателю живую стереокартинку происходящего на СВО. Сборник даёт возможность взглянуть на текущую войну глазами мирного жителя Мариуполя, мобилизованного из ЛНР, волонтёра, бойца «Вагнера», пилота бомбардировщика, санитаря и многих других.

Приобрести книгу можно на сайте издательства:
chernaya100.com

ОГЛАВЛЕНИЕ

8	Евгений Норин, литературный редактор Предисловие
40	Максим, мирный житель Выживач
52	Позывной Сайгон, солдат ЛНР, мобилизованный Изюмская жара
76	Екатерина Агранович, медиаменеджер На информационных фронтах
81	Дмитрий Плотников, журналист, участник «Тыл-22» Франт на войне
93	Кирилл Имашев, доброволец, журналист, нацбол «Семёрка»
108	Антон Горохов, солдат Как я под Киев ходил
115	Кира, парамедик, участница «Тыл-22» Как комарик укусит

129	Владислав «Гусар» Ефремов, солдат Мины ждут
138	Михаил Манченко, участник «Тыл-22» Гуманитарная миссия «Тыл-22». Рассказы
174	Игорь «Берег» Мангушев ^(*) , офицер, авантюрист «Сурикаты»
181	Андрей «Фунт» Никитин, доброволец, участник «Тыл-22» Капитан Берег
208	Дмитрий Бастраков, военный, книгоиздатель, командир «Тыл-22» Сопровождающий
240	Анонимный журналист Камуфляжные войска
257	Рамазан Сулейманов, боец БАРСа, нацбол БАРСы на морозе
267	Евгений Норин, журналист, волонтер Волноваха. Город нашей боли
279	Иван Кузьмин, доброволец Мясник с белым билетом
287	Анна Долгарева, поэт, военкор, волонтер Хинкалина
292	Владислав Угольный, медийщик Z
297	Позывной Воевода, лётчик-бомбардировщик Первый вылет

301

Тимур Шерзад и Максим Булдаков, волонтеры

Народная гуманитарка

322

Роман Волков, санитар

**Записки санитара
фронтового госпиталя**

332

Александр Григоренко, военный

Мрази

354

Позывной Гост. Вагнеровец

Как я погиб под Бахмутом

374

Александра Виграйзер, волонтер,
санитарка, участница «ТЫЛ-22»**Мариуполь. Весна**

378

Дарья Дугина^(*), журналист, философ**Новороссия.
Метафизика фронта**Карта, актуальная
на момент осени
2023 года

Границы Украины до СВО
Границы ЛНР и ДНР
Максимальное продвижение русской армии
Территории, освобожденные к осени 2023 года

ПРЕДИСЛОВИЕ

Фото Алексея Гарнышева⁽¹⁾

Люди на войне

В момент, когда пишутся эти строки, постепенно идёт к концу второй год российской военной операции на Украине. События её начала уже стали подёргиваться дымкой – драма дополняется всё новыми и новыми актами. Никто ни в России, ни на Украине, ни вообще, пожалуй, на планете не ожидал, как именно она начнёт разворачиваться. Однако большая война имеет неприятное свойство – однажды начавшись, управлять сама собой, опрокидывая расчёты всех, кто считал, будто движет историю единолично.

Банально, но война у каждого своя. Генерал, солдат в окопе, гражданский – каждый видит свой кусок, который может слабо совпадать с тем, что досталось другим. Это одна из причин, по которой мемуары являются одним из наименее надёжных исторических источников. Другое дело – массив воспоминаний, когда о событии рассказывает много людей с серьёзно различающимся личным опытом, темпераментом, ролью, которую они играли.

Наш сборник объединяет около двадцати личных свидетельств войны. Это солдаты, волонтеры-гуманитарщики и волонтеры военные, гражданские жители зоны боевых действий, журналисты. Когда отгремят пушки, нам придётся сесть и всем вместе, всей страной, понять, что это было. Поэтому так важно начать записывать свидетельства участников событий прямо сейчас. Некоторые из людей, чьи тексты представлены в этой книге, уже погибли, как Игорь Мангушев и Дарья Дугина. Каждый из тех, кто находится сейчас в зоне боевых действий, рискует так там и остаться. Однако и у живых людей память зачастую чудит, и по прошествии времени многие детали скрадываются, а то и искажаются. Поэтому историю этой войны необходимо писать уже сейчас. Прошлого не вернуть, но его можно и нужно зафиксировать.

СВО. Первый ГОД ВОЙНЫ

Война на Украине свалилась на многих в России как гром среди ясного неба. Общество оказалось полностью не готово к обрушившемуся на страну и мир конфликту.

Между тем война вызревала долго. Хотя её постоянно пытались замести под коврик, к СВО стороны уверенно шли с весны 2014 года.

Война началась как восстание пророссийски настроенных жителей Донбасса в апреле 2014 года. Она всколыхнула и Россию, и Украину, но уже в сентябре стороны договорились о прекращении огня (хотя соглашение плохо соблюдалось), а последние большие бои отгремели в 2015-м. С тех пор интерес к событиям в Донбассе постепенно падал, и даже на Украине общество уставало от напоминаний об этой войне. Даже президент Зеленский занял своё кресло именно в качестве кандидата от «партии мира».

В 2021 году могло показаться, что война окончательно пожрала самоё себя. Интенсивность боевых действий сильно снизилась, общий уровень потерь упал. Но 24 февраля 2022 года началась крупномасштабная военная операция России. И само начало, и ход этой операции оказались шокирующими для российского – да и мирового – общества.

Никуда не деться от вопроса о том, почему Россия вообще пошла на такое радикальное обострение конфликта.

Правительство России с крайней неохотой разговаривает с гражданами; оно чрезвычайно редко готово внятно и убедительно объяснять людям собственные намерения и мотивы принимаемых решений. В случае с Украиной пресса и общественность получили чрезвычайно богатый выбор между разными теориями, включая откровенно конспирологические; слухами и вбросами. Среди возможных мотивов назывались ядерная программа Украины, работа биологических

лабораторий США на её территории, некие планы войны на международно признанной территории России и т. д. и т. п. Официально озвученные цели операции формулировались просто-таки нарочито размыто и включали в себя демилитаризацию и денацификацию Украины без конкретного объяснения, что подразумевается под этими терминами. При этом в начале боёв между официальными лицами Украины и России велись переговоры, и некоторые их детали попадали в публичное поле. Судя по ним, первоначальные требования России были исключительно скромными и в первые дни сводились к минимуму пунктов. Это полное прекращение огня, признание Луганской и Донецкой республик и признание Крыма российским.

Если исходить из той посылки, что у Кремля существовали и существуют рациональные мотивы действовать так, а не иначе, то события февраля 2022 года получают, по крайней мере, объяснение. Стоит подчеркнуть: в данном случае обсуждается не то, моральны или аморальны эти соображения; кроме того, не существует никакого безусловно убедительного изложения хода Путина и его окружения, описания и предпосылок принятия решений. Всё, что мы действительно можем, – это попытаться реконструировать мотивы начала Россией СВО, руководствуясь известными данными и здравым смыслом.

Начать придётся с очевидного: возможности дипломатического разрешения кризиса в Донбассе к началу 2022 года были, по сути, исчерпаны. Москва настаивала на выполнении Киевом Минских соглашений. Однако как на Украине, так и в Вашингтоне и европейских столицах исходили из того, что эти соглашения были навязаны под дулом пистолета. Для России же «Минск» отражал необходимый минимум политических успехов на Украине.

Между тем Киев никогда не скрывал, что перемирие ему навязано и при возможности решить проблему силой оружия она будет решена силой оружия. С 2015 года ВСУ добились огромного прогресса в развитии своей мощи. Хотя линия фронта стояла на месте, баланс боевых возможностей и потерь постоянно менялся – и не в пользу

ополчения республик Донбасса. Украина владела инициативой, а потери – и военные, и гражданские – на стороне республик к концу «минской эпохи» кратно превышали таковые по украинскую сторону линии фронта.

При этом существовал проект размещения в Донбассе международного миротворческого контингента. Любопытно, что автором идеи выступил не кто иной, как Владимир Путин. 5 сентября 2017 года в китайском Сямэне на саммите стран БРИКС Путин заявил, что было бы уместно провести разведение сил сторон и ввод на линию разграничения «миротворцев ООН, даже, можно сказать, не миротворцев, а тех людей, которые обеспечивают безопасность миссии ОБСЕ».

Москва сделала ряд важных оговорок. С её точки зрения ключевым вопросом было размещение миротворцев только на линии фронта. Причина, по которой президент России настаивал именно на таком условии, очевидна. Взаимное недоверие существовало не только между Москвой и Киевом, но и между Москвой и Брюсселем и Вашингтоном. С точки зрения российских властей размещение миротворцев в глубине Луганской и Донецкой республик, а тем более – их появление на границе России и ЛДНР могло привести к тому, что эти миротворцы попросту начнут подыгрывать Украине. Имелись ли у Кремля основания не доверять западным лидерам и миротворцам? Безусловно, да. Перед глазами у российских лидеров, конечно, стоял пример конфликта на Балканах. Некоторые истории в рамках этого противостояния до боли напоминали события в Донбассе.

Здесь придётся совершить небольшой экскурс в историю. В 1991 году, на фоне выхода Хорватии из состава Югославии, хорватские сербы подняли восстание и провозгласили Республику Сербская Краина, которая требовала отделения уже от Хорватии. Осенью 1991 года лидеры Сербии и Хорватии подписали соглашение о прекращении огня и вводе миротворцев в спорную зону. Период прекращения огня хорваты использовали для наращивания сил при помощи западных инструкторов, вооружения, поставляемого

им в обход официального эмбарго и собственных усилий. В 1995 году Хорватия провела две коротких интенсивных операции – «Молния» и «Буря», в результате которых Сербская Краина была уничтожена, её вооружённые формирования разгромлены, а сербское население почти поголовно бежало. Миротворческие контингенты не сделали для предотвращения нового обострения, по сути, ничего; реакция международного сообщества была вялой и скорее прохорватской. Позднее практически всё политическое и военное руководство Сербской Краины было осуждено в Гааге за разнообразные военные преступления (хорваты отделались за аналогичные по размаху и характеру деяния несколькими севшими в тюрьму офицерами армии и полиции).

Разумеется, эта история была знакома российской политической элите, и аналогии бросались в глаза. Поэтому для России миротворцы могли стать только частью архитектуры будущего мира. Ключевой гарантией для недопущения разгрома Донецкой и Луганской республик могла стать только постоянная возможность поддержки из России, о чём было бы невозможно говорить, если бы миротворцы разместились не только на линии разграничения.

Украина с самого начала холодно отнеслась к российскому проекту. Пётр Порошенко заявил, что миротворцев ООН необходимо развернуть именно на границе с Россией и «голубые каски» интересуют его только в одном аспекте: возвращение территории повстанческих республик под контроль Украины. Ему вторил министр иностранных дел Украины Павел Климкин: «Нам совершенно не нужен тут замороженный конфликт, поскольку он нужен России по определению... размещение миротворцев только на линии соприкосновения – на самом деле просто создание нового рубежа».

Украину, безусловно, интересовал не мир как таковой, а собственная победа. Вообще, стоит непрерывно держать в голове: в течение всего конфликта Украина под миром понимала исключительно собственную военную победу.

При этом Киев опасался, что Россия попытается включить в состав миротворческих сил

собственный контингент (и так или иначе возглавить миротворческую миссию). Здесь уже Украина имела веские основания опасаться простого закрепления ЛДНР за Россией, уже при официальном мандате ООН. В конечном итоге, как известно, не был реализован ни «узкий» российский, ни «широкий» украинский план миротворческой миссии ООН.

Весь период прекращения огня Украина наращивала численность, уровень оснащения и боевой подготовки своих войск. Первые группы инструкторов из западных стран были направлены на Украину уже в 2014 году; к началу 2022 года специалистами США были переподготовлены 27 тысяч человек из действующего состава ВСУ. Поставки западного снаряжения и вооружения, включая летальное, начались задолго до начала российской СВО. Постепенно наращивалась также численность войск в зоне конфликта. По российским данным, на 2021 год в зоне ООС находилось 125 тысяч солдат и офицеров ВСУ – для сравнения: в августе 2014 в АТО участвовало лишь чуть более 30 тысяч человек.

Были ли эти войска сконцентрированы исключительно с целью защиты от возможной российской операции? Судя по реакции украинских официальных лиц на российские инициативы по вводу международных миротворческих сил в Донбасс – нет.

Существовали ли у Украины конкретные планы по решению проблемы Донбасса силовым путём? Точно этого сказать нельзя. Существовали ли у Москвы и Донецка основания опасаться такого сценария? Безусловно, да. Когда именно началась бы операция украинских вооружённых сил, сказать сложно. Вероятно, время атаки было бы связано с моментом неизбежного ухода из Кремля Владимира Путина. Российский президент долго возглавлял страну и за это время не помолодел; в «базовом» прогнозе 2024 год стал бы его последним на посту президента. Если не хаос, то некий переходный период всегда сопровождает подобную смену эпох, и этот момент был бы удачным для возможной операции Украины в Донбассе.

При этом стоит учитывать крайнюю уязвимость основных центров ЛДНР для ударов. Луганск находился в нескольких километрах от линии фронта, в Донецке и Горловке она проходила по окраинам, фактически прямо сквозь пригороды. Для нанесения катастрофического ущерба республикам украинским войскам даже не требовалось добиваться по-настоящему глубоких прорывов; достаточно было просто промять передовые редуты ополчения, после чего любые российские подкрепления сражались бы уже посреди крупнейших городов республик – с понятными последствиями.

Кроме того, никогда не исчезал с повестки дня вопрос о Крыме. Водяная блокада сама по себе создавала полуострову огромные проблемы. Однако в случае, если в Киеве всё же решались на силовое разрешение вопроса, полуостров оказывался крайне уязвим. С материковой Россией Крым связан единственным мостом, и крайне затруднить движение по нему – вполне реальная задача, что показали события 2022–2023 годов, когда мост дважды за десять месяцев становился объектом относительно удачных диверсий. Прервать связь с Таманским полуостровом хотя бы на какое-то время и добить классическим ударом через Перекоп – этого сценария в России, безусловно, могли опасаться.

Кроме того, украинские военные никогда не упускали случая держать повстанческие республики в тонусе; хотя интенсивность обстрелов ЛДНР не достигала уровня 2014 и 2015 годов, эти обстрелы никогда не прекращались совсем. При этом украинские военные не стеснялись регулярно наносить удары по гражданской инфраструктуре – к примеру, систематически обстреливали работников донецкой фильтровальной станции – она расположена прямо на линии фронта, так что рабочих обстреливали в том числе из стрелкового оружия; стрелки прекрасно понимали, что делают и кого пытаются поразить. Под Луганском таким же обстрелам регулярно подвергались гражданские машины, едущие вдоль Северского Донца. Учитывая регулярность и даже упорство украинских солдат, вряд ли можно говорить о спорадических

Центр Донецка после обстрела, осень 2022 г.
Фото Алексея Гарнышева.

всплесках насилия – скорее о сознательной политике, проводимой с холодной головой.

При этом Россия была готова маневрировать в широких пределах, рассматривая как неприемлемый фактически только один вариант – собственное безусловное поражение. Однако с точки зрения «коллективного Запада» Украина и сам «коллективный Запад» уже сделали слишком много уступок. Мир, в котором жила западная дипломатия, радикально отличался от того, в котором находилась дипломатия российская. Если Москва желала говорить на грубом языке фактов, не поступаясь ничем в рамках сложившейся реальности, то на той стороне исходили из представлений о должном, которые ни на какую реальность не опирались вовсе. Прекрасная иллюстрация: уже в ходе СВО итальянское правительство подготавливало проект мирного договора. В его рамках компромиссом считалась... широкая автономия Крыма в составе Украины. Было ли это изящное

дипломатическое издевательство или искренняя убежденность в том, что это-то и есть серьезная уступка, сказать трудно. Однако в любом случае на таких условиях мир не был достижим.

Серьезная проблема состояла в переоценке своих возможностей российской стороной.

Россией владела опасная иллюзия о возможности легкого и быстрого военного разгрома противника. Одной фразой этот взгляд можно выразить как «Киев за три дня». В действительности и армия, и государство, и общество на Украине серьезно окрепли за 8 лет. В задачу автора не входят моральные оценки – относиться к этому факту как к фанатизму тоталитарной секты или как к массовому героизму патриотов, однако реальность состоит в том, что с началом активных боевых действий не произошло ни мятежей в тылу, ни массовой сдачи в плен, когда она не была продиктована обстановкой; словом, совокупность агитации (массированной и искусной), репрессий, коллективных переживаний общества и т. д. и т. п. сделала Украину достаточно крепким орешком.

Радикальные националисты никогда не являлись на Украине парламентским большинством, однако их роль не состояла в парламентских дебатах: активное меньшинство, препятствующее «капитуляции» внутри Украины, тотально навязало свою волю всем остальным. Попытка договориться с Россией по существу ключевых вопросов могла привести только к свержению любого президента и его замене на более воинственного лидера. Где страхом, где агитацией – но украинской стороне удалось серьезно консолидировать общество и встретить российскую операцию предельно жестко. При этом степень военного напряжения со стороны Украины с самого начала была несопоставима с российской: несколько контринтуитивный факт состоит в том, что численность украинских войск в зоне конфликта оказалась значительно выше не только ополчения, но и российских сил, ведущих СВО.

В свою очередь, западные лидеры рассматривали и рассматривают Украину с нескольких позиций. Во-первых, это безусловно

утилитарный инструмент для решения задачи ослабления России. Подрыв экономического, научного, промышленного и военного потенциала РФ был открытым текстом объявлен целью поддержки Украины. Хотя на Западе многие оскорбились бы от такой циничной реальности, ударить по России Украиной – вполне рабочая, выполняемая в данный момент стратегия. Правда, здесь приходится перейти уже к просчётам и неверной оценке обстановки со стороны западных лидеров. Если возможности и боевой дух украинской армии системно недооценивались, то точно так же недооценивались прочность российской экономики и русского общества, которые не рассыпались ни под влиянием санкций, ни под впечатлением от тягот войны.

С другой стороны, не стоит, как это часто делают уже в России, недооценивать ценностный фактор. Для США и Европы Украина – это пример прозападной революции, страны, стремящейся к демократии и разделению европейских ценностей. Украина, безусловно, не соответствует нормам ЕС и США, однако она очень громко декларирует приверженность этой системе взглядов на должное и как минимум подгоняет свою риторику и принятые в государстве процедуры под эти стандарты.

Сочетание дипломатического тупика и наращивания сил противником, вкупе с неверными представлениями о лёгкости грядущей операции, судя по всему, и подтолкнуло российских лидеров к попытке пробить танком стену упорства, непонимания и неспособности к компромиссу.

Запад не мог, не собирался и не захотел сдавать Украину.

Россия не могла, не собиралась и не захотела сдавать Донбасс.

Ни Россия, ни Запад, ни Украина не оценивали достаточно адекватно накал грядущего противостояния, решительность и возможности противника.

Поэтому 24 февраля никто не ждал, насколько кровопролитной и ожесточённой окажется эта война в реальности.

Ускользнувшая победа

Наступление российских сил началось сразу по нескольким направлениям. Поскольку ожидалось, что боевой дух украинских войск окажется низким, а сопротивление – слабым, российские войска начали наступление очень ограниченными силами, вдобавок распределёнными по пространству от Чернобыля до Херсона. Наступление велось на 4 основных направлениях сразу: на Киев с севера, на Харьков с северо-востока, отдельная группировка наступала в Донбассе с привлечением и российских войск, и ополчения ДНР и ЛНР, и наконец, отдельная группировка прорвалась через Крым и наступала частью сил через Днепр на Херсон, а частью – на восток вдоль Чёрного моря в обход Мариуполя.

Наиболее значимой для хода операции, как предполагалось, станет атака на Киев. На украинскую столицу нацеливались группировки, продвигающиеся по обоим берегам Днепра, с территории России и Белоруссии. В этом сражении участвовали два героя нашей книги. Антон Горохов сражался в рядах ЧВК под крылом официальных силовых ведомств (знаменитый «Вагнер» не был единственной такой структурой), а лётчик-бомбардировщик Воевода участвовал в первых воздушных ударах по территории Украины.

Наступавшая по западному берегу группировка взяла под контроль Чернобыльскую АЭС и продвигалась южнее. В аэропорту Антонов в Гостомеле был высажен десант. Одновременно российские группировки наступали на Киев с востока, минуя Сумы и Чернигов. Сами эти города оказались в неплотном окружении.

Поскольку российское наступление велось неадекватно малыми силами, говорить о зачистке тылов или даже о плотном блокировании городов не приходилось. Российские войска зачастую просто проходили города транзитом.

ВЫЖИВАЧ

1. «Антитеррористическая операция» – силовая операция Вооружённых Сил Украины (ВСУ) против повстанцев Донбасса. Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, – примечания редакции.

Я следил за этим конфликтом ещё с 2013 года. Да и невозможно не следить, когда ты живёшь буквально на границе зоны «АТО»¹. Ещё до февраля 22 в воздухе витала напряжённость, все понимали: что-то будет.

Но как всё обернётся для меня и моего города, я не догадывался. Или не решался принять.

Утро 24 февраля для меня началось в 5:00. Жил я на востоке города, в самой простой девятиэтажке, зато с прекрасным видом на море. Услышав первый далёкий хлопок, спокойно проснулся, прочитал гору сообщений, в одном из которых мой друг, живущий в 15 минутах ходьбы, написал, что к его соседям случился прилёт чего-то тяжёлого. Потом я взял 4 канистры для воды и пошёл в круглосуточный магазин.

Я был наивен. Мне казалось, что, наблюдая за этой войной с 14 года, я лучше понимаю, что делать, и поэтому выглядел сравнительно спокойным на фоне паникующих людей вокруг.

Первые пару дней прилёты были только на окраинах, поэтому у меня всё ещё были свет, вода, газ и интернет. Я всегда держал телефоны и павербанк заряженными на максимум, а всю тару, куда можно было налить воды, – заполненной.

Мои родители жили в 20 минутах ходьбы, в частном доме. Они тоже понимали, что что-то надвигается, сделали запасы простых продуктов вроде муки и крупы и заполнили морозилку мясом. Как потом оказалось, всё это не пригодилось.

25 февраля вечером ко мне пришёл тот самый друг, о котором я писал выше, – забрать павербанк, который оставлял на зарядку. К тому моменту прилёты на окраинах уже были регулярными. Настроение было боевое, даже весёлое, нам всё ещё казалось, что мы готовы к тому, что происходит, и вообще нас это мало коснётся. И тут мы наблюдаем, как в море, метрах в 300 от берега залетает полновесный

Фото автора.

2. Пакет – залп из всех труб «Града».

3. Захисник – укр. 'защитник', ироничное обозначение солдата ВСУ.

пакет² «Града». В этот момент наш задор несколько поубавился. Мы начали осознавать, что арта работает не всегда точно по целям.

С тех пор обстрелов было всё больше, и они были всё хаотичнее. Затем отключили свет и воду. Обстрелы были всё ближе к нашему дому. Люди перестали выходить даже во двор, чтобы дойти до машины.

27–28 числа в ближайшее ПТУ заехали «захисники»³ и расположились там. Было очевидно, чем это для нас чревато.

Тогда же полноценно обстреливать начали наш жилмассив. Мы с женой пережидали обстрелы в тамбуре, нам он казался самым безопасным местом. Ощущения от обстрела безумно неприятные. Тебе страшно, ты хочешь это закончить, но не можешь. Не можешь уйти, не можешь даже спрятаться.

После очередного обстрела я открыл дверь к себе в квартиру из тамбура и быстро прошмыгнул искать кота. В комнатах его не было видно, и я решил, что он под ванной. Зашёл в ванную комнату, лёг, чтобы посмотреть, жёна приоткрыла дверь тамбура, чтобы помочь мне... И в этот момент начался обстрел частного сектора прямо перед моим домом.

В квартиру залетают осколки снарядов и куски бетона размером с кулак, пробивающие стены и окна. Я молча встаю, проскакиваю обратно в тамбур, подхватываю жену, которая падает в истерику, и закидываю её в квартиру к соседям. Мы выжили чудом, просто оказавшись в нужном месте в конкретный момент времени. Будь прилёт на 7–10 секунд раньше или позже, кто-то из нас гарантированно бы погиб.

После этого мы, как и большинство соседей, начали спускаться в подвал и обустраиваться. Как назло, погода для этого времени года у нас была нетипично холодная, а подвал нашего дома был отнюдь не бомбоубежищем, а обычным техническим помещением.

Спать у нас не получалось из-за холода. Во что бы ты ни укутался, за 10–15 минут тебя пробирает сырость и ты просто дрожишь.

Обстрелы к этому моменту начали приобретать системность. Было ясно слышно, как неподалёку от дома работает пара миномётов, затем они затихают и летит ответка. И так раз за разом. Вылеты и прилёты могли чередоваться буквально поминутно. Интенсивность артиллерийских дуэлей вообще не снижалась.

Наши соседи-пенсионеры не спускались в подвал. Их безмятежность подкреплялась плохим слухом. Ночью, когда обстрелы чуть стихали, мы поднимались к ним погреться у газовой конфорки и заварить чай.

Фото автора.

За пару дней все внезапно для себя начали осознавать, что заканчивается вода и остаётся всё меньше еды. Мы начали пытаться баррикадировать двери подъезда, чтобы в разгар боёв никакой воин не забежал к нам, со всеми возможными вытекающими. Но в целом всё это меня мало волновало.

Меня волновал только один вопрос: что с моими родителями?

Каждый раз поднимаясь к себе на 8-й этаж, я видел, как район, где они живут, горит. В него летело беспрестанно, даже когда на всём остальном фронте было затишье.

Числа третьего к нам в подвал дома забежал мужик спрятаться от обстрела. Вкратце рассказал нам свою историю. Он был у себя дома с женой и дочерью, дом побило во время очередного обстрела, и они вынуждены были уйти. По пути к знакомым начался очередной обстрел, во время которого он потерял из виду жену и дочь, и вот уже полдня не может их найти. Он выпил воды и побежал дальше искать их под обстрелами.

5 марта с утра ко мне в подвальную комнату забежал сосед и позвал сходить в ближайший магазин, потому что сейчас туда идут все. Я понял, о чём он, взял рюкзаки, деньги и пошёл.

Подойдя к магазину, мы увидели охранника, который просто впустил людей и разрешил брать всё, что они хотят, кроме оборудования магазина. Всё, что нам удалось взять, — это две сумки напитков и какие-то соленья. В той ситуации это было уже что-то.

Подбегая к дому, я увидел джип, который стоял прямо у подъезда, открыл дверь и включил радио. По радио говорили о том, что открылся «зелёный коридор» в направлении Запорожья на северо-западной окраине и из города можно выехать.

Я понял, что лучшего момента, чтобы добраться до родителей, уже не будет. Я оставил жену в подвале и побежал.

По пути я видел горящие панельки и магазины, торчащие из земли хвостовики «Градов» и машины, расстрелянные прямо на перекрёстках.

Несмотря на то что я бегать люблю, пробежка в зимней одежде с рюкзаком по горящему городу далась тяжело.

Подбегая, я буквально молился, чтоб увидеть дом целым: это означало бы, что там есть жизнь. Так и случилось, я увидел крышу – она была невредима. И в этот момент вокруг начали визжать мины. Они падали метрах в 70–100 впереди. Но мне было уже плевать, я не стал падать, просто подошёл к забору, начал по нему бить кулаками и кричать, чтоб меня пропустили.

Родители неспешно поднялись из подвала. Они смотрели на меня огромными глазами и не шевелились. Видимо, не могли осознать, что я к ним прибежал. Пришлось кричать им матом, чтобы они немного поторопились.

Забегав во двор, я сказал, что жена жива, и сказал им собираться и греть машину. Быстро закинули вещи, посадили в машину бабушку и поехали к жене.

Как потом оказалось, на заброшенном заводе, рядом с которым жили родители, располагались артиллерийские позиции ВСУ. Соответственно, туда и летело нон-стопом.

Пока родители собирались, я нашёл во дворе топор и кинул его в багажник.

Доехав до моего дома, я принялся переносить в машину запас продуктов, который держал у соседей на нижнем этаже, а мать пошла за женой. Быстро закинули вещи и поехали в центр города. Во время этих сборов я совершил главную ошибку. Всего раз я поддался суете, и эта ошибка стала роковой.

Я оставил кота соседке, думая, что там ему будет легче, чем в машине: он уже был старенький. И пока показывал соседке, где в моей квартире запас воды, перепутал рюкзаки и оставил тот, в котором лежали мои сбережения и все памятные вещи, которые мне остались от бабушки.

Мы ехали где-то в 12:30 мимо «Азовстали»⁴. Прошли благополучно. Как потом выяснилось, в тот день ближе к вечеру некоторых уже не пропустили «защитники».

В центре были сотни машин, которые ездили туда-сюда, что казалось странным, ведь

по логике все должны были двигаться на выезд. Мы, собственно, и попытались прорваться, но километра за 3–4 до выезда из города поняли, что ничего не выйдет. Там шёл бой. И стрелковый, и артиллерийская дуэль.

Вернулись в центр, благо офис компании, в которой работали родители, находился в цокольном этаже пятиэтажки. Там мы и укрылись. Владелец компании успел открыть дверь, ведущую из подъезда в офис, чтобы местные тоже могли туда спускаться, но их было мало. Ближе всего к нам расположились достаточно приятные люди. Электрик и преподаватель университета, которые перебрались в Мариуполь в 2014 году из Донецка, чтобы избежать обстрелов.

Осмотрев пространство вокруг дома, я нашёл укромное место рядом с футбольным полем и загнал машину туда. Я также закрыл немного торчащие над уровнем земли окна плитами с тротуара, наплевав на крики бабулек, которые возмущались тем, что я вандалю тротуар.

В центре была совсем другая атмосфера. Если у себя на районе я несколько раз чуть не погиб, то тут люди ещё празднично ходили и искали, что где купить и где расплатиться картой. На следующий день всё изменилось.

В обед 6 числа в район нашей пятиэтажки залетел пакет «Града», к которому никто не был готов. Мы, наученные жизнью за последнюю неделю, всем составом были в подвале и не пострадали. На 4 этаже буквально пополам разорвало бабушку на кухне. Её внук, находившийся в коридоре, оказался немного контужен и шокирован увиденным и выбежал из подъезда. Там его буквально за шиворот поймали и кинули в подвал жильцы. Минут 15 он был без слуха и дрожал. Его заставили выпить коньяка, его по чуть-чуть отпускало. Затем пришла его мать, которая ходила на поиски воды...

Местные начали выбираться на улицу и с ужасом смотреть на свои сгоревшие и побитые машины. Потеря машин означала, что им теперь не выбраться. Наша машина стояла целой за домом.

6 или 7 числа под патронатом «защитников» людям позволили взять продукты из самого крупного супермаркета в центре.

4. Завод в Мариуполе, территория которого была превращена в сплошной узел обороны. Во время штурма города русскими этот сектор сдался последним.

Дмитрий
Плотников,
журналист,
участник ТЫЛ-22

ФРАНТ НА ВОЙНЕ

Все персонажи вымышлены, а совпадения случайны. Любой человек, лично знающий автора, подтвердит, что с начала боевых действий он покидал лобби-бар отеля в Таганроге, только чтобы купить сигарет.

В первый раз я поехал в Донецк в середине февраля, когда никаких масштабных боевых действий ещё не было. Разумеется, передо мной встал вопрос: в чём, собственно, ехать? Хотелось, чтобы было удобно, не хотелось привлекать нездоровое внимание, а ещё выглядеть как даун. Я осмотрел свой гардероб, практически полностью состоящий из мужской классики, и понял, что если первый пункт я с горем пополам закрываю (по плану работать мне предстояло в городе), то насчёт двух других есть вопросы. В конце концов, я рассудил, что если сейчас побегу за новенькими тактикульными шмотками, в которых ни черта не понимаю и носить которые не умею, то буду точно выглядеть как даун и привлекать нездоровое внимание. Выбор свой я остановил на максимально непарадно-некостюмных чиносах и пиджаке в стиле smart casual с надетой под него водолазкой. По крайней мере, не буду выглядеть как чиновный эмиссар из Москвы.

Расчёт оправдался: внешний вид мой не вызывал вопросов ни на границе, ни в самом Донецке. По мере того как ситуация накалялась перед 24 февраля, он даже пару раз выручал меня. 18 февраля в центре Донецка взорвали машину начальника управления Народной милиции ДНР Дениса Синенкова. Я писал репортаж в кафе неподалёку и решил сходить на место взрыва:

38. Министерство государственной безопасности.

может, удастся сделать пару кадров и выцепить какой-нибудь эксклюзив. Пока я торопливо шёл через парковку (напоминаю, что на мне пальто, из-под которого торчат пусть и не парадно-костюмные, но всё же чёрные брюки, а в руках я несу портфель с ноутбуком), рядом с визгом остановился микроавтобус со спецназом МГБ³⁸. Вооружённые парни в бронежилетах побежали в сторону взорванного УАЗика. По наитию побежал вместе с ними и я, каким-то образом оказавшись между спецназовцами в момент прибытия на точку.

Спецназ начал окружать место взрыва, а меня выцепил глазами распорядившийся на месте милицкий чин. Я решил, что сейчас он сначала проверит документы, а потом настойчиво попросит покинуть место происшествия, однако вместо этого чин начал докладывать. Я узнал о проведённых мероприятиях (прибежавший вместе со мной спецназ оцепил парковку с целью недопущения на него зевак) и первых версиях случившегося (версии отсутствовали). Особого эксклюзива из этой ситуации сделать не получилось, хотя фото я отснять смог. Кто я такой, к какому ведомству я принадлежу, есть ли у меня удостоверение – эти вопросы не волновали никого. Ну, ходит задумчивый мужик в пальто с портфелем на месте взрыва, значит – не просто так, явно ведь не по своей воле, задание!

Несколько дней спустя мы с коллегами приехали снимать последствия обстрела на Шахтёрской площади. Пока они готовили штативы и настраивали камеры, я побрёл к воронке от мины. Неподалёку от неё, прямо под стеной недостроенного бизнес-центра лежали двое погибших, у одного из которых непрерывно звонил в кармане мобильный телефон. Пока я смотрел на это в некотором ступоре, ко мне подбежал сотрудник МЧС и доложил, что обстрел вели из миномёта калибра 120 миллиметров, есть двое «двухсотых», чьи личности сейчас устанавливаются. «Благодарю за службу», – пробормотал я и направился к машине.

Правда, через несколько дней стиль пришлось всё-таки сменить. Сначала в Горловке группа местных, контуженных при недавнем

39. Международная «Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе».

обстреле их двора и уже успевших отпраздновать факт того, что прилёты удалось пережить, из-за моего пальто и синего журналистского бронежилета моего коллеги приняла нас за группу наблюдателей ОБСЕ³⁹. От суда Линча мы были спасены водителем. Мужички долго извинялись, что приняли представителей «самой честной в мире российской прессы» за ОБСЕшников, доверия к которым у них не было никакого. Вторая история оказалась ещё веселее.

Я впервые направился в прифронтовую зону. Как это часто бывает, поездка получилась спонтанной, и купить более подходящую к ситуации одежду я не успел. Первые косые взгляды я начал ловить ещё у здания пресс-службы Народной милиции, от которого отправлялась колонна с прессой. Все журналисты выглядели как минимум по-походному, а в некоторых случаях максимально тактикульно, пару человек я даже перепутал с военными. К нам подошёл сопровождающий и спросил, где мой бронежилет. Я пошире распахнул пальто и показал броник. Военный тяжело вздохнул, а я переодел бронежилет сверху на пальто, чтобы в дальнейшем избежать подобных вопросов. Мы направились в село Бугас.

На местных наша толпа произвела фурор. Но если к людям в форме они уже привыкли, то я в картину происходящего явно не вписывался. Люди с интересом выходили из своих домов и перешёптывались: бронежилет поверх пальто, каска, брюки, портфель. Все принимали меня за представителя официальных властей ДНР. Я с лёгкостью набрал материал для репортажа, потому что буквально каждый из местных стремился поделиться со мной своими бедами, пожаловаться на что-то и с радостью позволял проводить видеофиксацию разрушений. «Вы уж там доведите куда-то», – доверительно шептали они, прощаясь.

А солдаты... Солдаты смотрели на меня как на мудака.

Вернувшись в Донецк, мы засели праздновать первый совместный выезд. В застольной беседе коллеги из-за внешнего вида выдали мне позывной Прокурор. Я даже всерьёз раздумывал,

не стоит ли выдерживать стиль и продолжать выезжать в сторону передовой, будучи облачённым в классику, а не в военную форму. Однако реальность внесла свои коррективы. На следующий день я обнаружил, что зимние ботинки не выдержали грязи Бугаса. Пришлось покупать берцы, а они плохо сочетались с чиносами. Так чиносы сменили тактические штаны, которые уже никак нельзя было надеть с пальто и пиджаком. Место пальто заняла куртка цвета оливы с флисовой подкладкой, пиджак отправился в шкаф, и носить я стал оливковый же китель, окончательно растворившись (по крайней мере внешне) в толпе донбасских военных корреспондентов. Но иногда я вспоминаю первый выезд. Чёрт возьми, это было стильно!

Коллега

Первый раз я встретил его в «Хэппи Лайфе». Ну а где ещё было встретить журналиста в Донецке весной 2022 года? В коллеге всё выдавало новичка – от сияющей магазинной чистоты свеженькой военной формы до периодических попыток пойти покурить на улицу (не привык ещё к донецким табачным свободам). После пары минут разговора я окончательно убедился, что коллега прибыл к нам недавно. Во-первых, он всё время пытался представить себя более опытным, чем являлся на деле. А во-вторых, он пытался довольно интересным образом найти себе компанию для выезда. Он искал едущих в место, где стреляют побольше (собственно, для успешного решения этой задачи он и корчил ветерана горячих точек). Не то чтобы коллеге обязательно надо было поснимать взрывы и стрелкотню, просто хотелось отработать донецкий фронт, попав, так сказать, с корабля на бал. Тогда он ещё не знал, что опытных людей отличает нежелание попадать в лишние приключения.

Спустя пару часов разговоров за суровые будни войны, пересказов чужих баек и ссылок

на общих знакомых («Конечно, я его знаю, подписан на него в Телеграме») коллега всё-таки нарулил себе приключение. Ехать нужно было в Мариуполь. Бои в городе тогда уже закончились, но разминирование шло активно, и на свежих видео, появлявшихся у военкоров, в городе ощутимо бахало. Коллега радовался: сражение отгремело только-только и Мариуполь был на слуху. Из поездки туда можно было привезти не только хороший материал, но и понты: был я, мол, в этом вашем самом жутком сражении XXI века, прочувствовал его на своей шкуре.

Перед закрытием кафе коллега и его компаньоны провели контрольную «сверку часов», в очередной раз договорились, во сколько и где завтра утром будет встреча, пожали ему руки и разошлись. Нам было в одну сторону, мы шли по вечернему Донецку, уже тёплому, словно летнему, и молча курили. Видно было, что коллега ощутимо нервничает, и я мог его понять: первый выезд в зону боевых действий неслабо перекручивает всё внутри.

– Слушай, а там страшно? – неожиданно спросил коллега.

– Где? – не сразу понял я, погружённый в свои мысли.

– Ну, в Мариуполе.

– Не знаю. Кому ведь как. Мне и здесь всё ещё страшно, хотя вроде и попривык, – признался ему я. Неподальёку от нас слышались выходы РСЗО.

На очередном перекрёстке мы разошлись. Мне нужно было выспаться, в конце концов, я с утра ехал в тот же самый Мариуполь.

Как это часто бывает в зоне боевых действий, всё перепуталось и пошло не по плану. Ввиду каких-то сложных договорённостей, ротаций машин и водителей, в Мариуполь мы с коллегой отправились вместе, одним экипажем. Коллега оказался действительно классно снаряжён. Бронежилет со всяческим обвесом делал его похожим на сапёра, на грудь было прикреплено две аптечки, ноги и руки были усилены наколенниками и налокотниками, а глаза защищены баллистическими очками. Несмотря на первую командировку, собрался он на совесть.

Кира,
парамедик,
участница
«Тыл-22»

КАК КОМАРИК УКУСИТ

Родилась я в Красном Луче под Луганском в 1994 году и росла там. Я никогда не была патриоткой Украины, хотя прожила там достаточно долго. С детства думала, что было бы здорово, если бы Луганская область присоединилась к России. Мысли материальны, как оказалось.

К началу войны мне было 19 лет. Я тогда училась в колледже, работала на заправке, потом официанткой. Металась от работы к работе.

Я с детства испытываю особый трепет перед анатомией человека. Уколы я ставила с детства. Однажды бабушке стало не очень хорошо, а женщина-доктор, наблюдавшая её, была очень далеко, и было очень поздно. Так что бабушка попросила меня. Когда я её уколола, она сказала, мол, как здорово, ничего не почувствовала. И уже когда я стала старше и ставила уколы в том числе сама себе, то поняла, что да, то ли рука лёгкая, то ли я всё правильно делаю.

Медицинского образования у меня нет, это достаточно сложно; соответственно, я решила для себя, что какие-то вещи буду изучать самостоятельно. Когда началась война, у меня уже была база. У меня был преподаватель по гражданской обороне, который в открытую говорил, что наше поколение застанет что-то грандиозное, мол, ждите, всё у вас будет; и давал знания, которые пригодились бы в случае войны, включая первую помощь. Очень интересный, глубокий человек с богатым опытом, служил на Байконуре,

а на пенсии пошёл преподавать детям гражданскую оборону и первую помощь. Благодаря ему я многое могла делать уже просто на автопилоте. Человек замечательно умел вложить в голову что-то людям, даже очень далёким от темы. Плюс самообразование – уже после начала войны я начала больше интересоваться некоторыми вопросами, потому что есть, например, специфические виды ранений, про которые в школе на уроке гражданской обороны никто не рассказывает. К тому же я сталкиваюсь с какими-то нестандартными ситуациями просто на месте.

Уже в конце 2013 все ожидали «автобусы дружбы» с нациками по аналогии с «поездами дружбы» в Крыму⁴³. У меня тогда было много друзей в дорожно-патрульной службе, среди участковых, и я слушала рассказы о том, как милиционеры после майдана выбирались из Киева. В принципе, я уже тогда догадывалась, что что-то идёт не так. И как-то раз мы сидели, разговаривали, и прозвучала фраза: «Всё, началась гражданская война». И я подумала тогда: какой бред, ну, кто-то там скажет, у них какая-то типа революция. И вот, совсем немного времени проходит, и начинается осада Славянска, первые налёты на Луганск.

И я понимаю, что да, человек был прав.

Налёты, обстрелы уже потихоньку начинались. Весь апрель я тусовалась на блокпостах, знакомилась с ополченцами. Тогда гуманитарку собирали местные, от мыльно-рыльных и еды и заканчивая деньгами. У меня было неплохо по чаевым, и когда только зарождалось ополчение, я довольно много приносила туда. Когда я поняла, что там вполне адекватные люди, встретила там знакомых – в основном отцов своих друзей, решила, что пора. Я понимала, что сейчас Россия скажет своё слово, а чувство патриотизма у меня с детства бьёт. В общем, на месте я усидеть не смогла. Работал и юношеский максимализм, и адреналин, и желание что-то себе доказать. Война для меня тогда была чем-то из книг, фильмов и сериалов, и всё это для меня было сдобрено чувством какого-то романтизма. Так что 22 мая я собрала вещи, пораздаривала лишнее,

оставила себе спортивный костюм, кроссовки, пару футболок. Я не думала тогда, что доживу до двадцати лет. Я ж понимала, что я девочка, а на улице война, опыта нет, и шансы мои невелики. Но высшие силы меня пожалели.

Поначалу я там служила по принципу «чем могу – помогу». Люди в отряде были самые разные. Человек пятьдесят, но кто-то приходил, кто-то уходил. От полицейских до бывших зеков, повара, пастухи, лесники, трактористы, кто угодно. Люди из разных слоёв общества, но, конечно, «сливки» слились сразу, и по большей части у нас в группе был рабочий класс – люди, которые никогда не уедут из дома, взявшие вилы с палками и пошедшие защищать Родину, как бы пафосно ни звучало.

Профессионалов не было. В лучшем случае у кого-то был опыт «срочки» в армии. Всему учились на ходу. Но что могли – делали. Учились сами, общались с людьми из уже обстрелянных подразделений. Когда приходили люди с опытом Чечни или Афгана, это было за счастье, потому что эти ребята рассказывали массу полезных лайфхаков, спасающих жизнь. И так я потихонечку начала вникать в военное дело.

Наша группа рассыпалась в августе. Потом меня занесло в милицию, и три месяца я там работала. А в конце 2015 года я приехала в Москву, в квартиру брата. И тут начались проблемы. Полгода я пила, просто не просыхая. Приходила домой и сразу лезла в холодильник искать вино или виски, просто чтобы отключиться и забыться. Просохла я, только когда началась подработка. И меня это спасло. Я полгода работала няней, и эта маляшка меня заземляла. Я понимала ответственность. Я с ребёнком сижу, я занимаюсь – как будто какой-то тумблер во мне переключился.

Потом товарищ-доброволец, с которым мы познакомились на войне, меня вытащил в поисковую экспедицию. Буквально вытащил, потому что у меня была депрессия, я лежу, смотрю в потолок, мне ничего не хочется. И тут мне открыли мир поиска. Мы искали пропавших без вести в Великую Отечественную бойцов. Мне это

43. «Поезд дружбы» – устойчивое выражение, обозначающее экспедиции агрессивно настроенных националистов на Украине в регионы с не-лояльным населением. Появилось после заезда такого поезда с боевиками националистической группировки УНА-УНСО в Крым в 90-е.

настолько запало в душу, что я, как феникс, – раз, и возродилась. Я с детства понимала, что что-то такое военное в моей жизни случится. Но я думала, что это будет просто служба в армии. А вышло интереснее. Так я пришла в себя. Меня снова начало кидать от профессии к профессии – ха, я до сих пор не понимаю, кем я хочу стать, когда вырасту. Адаптироваться и начать нормально контактировать с гражданскими было очень трудно. Все живут своей жизнью, у всех всё прекрасно, никого ничего не беспокоит. А я просто видела некоторое дерьмо, и мне с тех пор было сложно коммуницировать с людьми. К тому же, если разговоры касались политики, язык за зубами я, конечно, не держала.

Я долго работала инструктором по тактической медицине. Не люблю определение «тактическая медицина» – добавь к чему угодно определение «тактический», и можно продавать втридорога – но вот так. Меня пригласил бывший командир. Пришлось, конечно, уже учиться систематически – да, я знала, как оказывать первую помощь, но пробелы, конечно, у меня были.

Когда началась СВО, я сначала собирала гуманитарку, а потом взяла вещи и поехала в Донецк. Приехала недели на две. Но так получилось, что задержалась на год. Я, конечно, не профессионал, но у меня есть и опыт, и навыки, и знания, которые очень могут пригодиться среднестатистическому бойцу. Первой помощью, как выяснилось, многие вообще не заморачиваются.

Среди мобилизованных полно таких, кто не слишком-то хочет воевать. В принципе, никто никогда не хочет воевать. Но ополченцы 2014 года знали, за чем шли. Они считали, что их всё равно убьют, но шли, понимая, что уже край, дальше некуда, шваль лезет к нам в дом. Люди шли за идею, понимая, чего стоит их выбор и что может случиться. А люди, которых мобилизовали в 2022 году, – это те, кто не понимает, что происходит, и при возможности с удовольствием уехали бы куда подальше. Это не воины, и я говорю не о навыках или опыте, а о состоянии души, изначальном стержне, который либо есть,

либо нет. И когда я смотрю на мобилизованных волны февраля 2022, то мне немножечко грустно – в большинстве они не понимают, зачем они здесь, они ничего не хотят. До многих не дошло, что война приобрела более крупный масштаб и как раньше уже не будет, сейчас всеобщая мобилизация – вставай, страна огромная. Вот для таких людей я и приехала, потому что бойцы там были абсолютно неопытные и ничему научиться не стремились. А учиться, конечно, лучше у человека, который возьмёт за ручку и по краешку проведёт.

Я решила переждать первую волну мобилизации, прощупать почву и дальше уже предпринимать какие-то действия. И в итоге поехала проводить занятия по тактической медицине для всех желающих.

Я давала самый что ни на есть базис. Людям, в принципе, не нужно забивать голову десятью способами эвакуации – дай 2–3 рабочих приёма, чтобы человек их отточил. Кратко, лаконично, ясно. Комплектация аптечки – разбирала её состав, объясняла на пальцах, что в ней, зачем, почему, как работает. Делилась опытом, что на своей шкуре пережила. Очень многих в экстремальной ситуации сразу либо накрывает паника, гиперактивность, тянущая за собой ошибки, или, наоборот, ступор. А я давала не только медицинскую подготовку, но и в принципе азы поведения под обстрелом. Отдельно разбирали разные виды травм. Люди задавали вопросы, я объясняла, что как работает. Первая часть теоретическая, после этого перекурчик и практика. Работа с товарищем – взаимопомощь, самопомощь. Самопомощь даже полезнее – ближе всего к своему ранению находишься ты сам. В подразделении может быть самый лучший медик в стране, но если он находится в паре сот метров и рядом с ним ещё двое трёхсотых, к тебе он точно не поползёт. Так что, дружище, бери аптечку, расчехляй и работай.

Также я делала акцент на психологических моментах. В мозгу есть три разных варианта реакции на опасность – беги, дерись или замирай. В природе животинка замирает, сливается с местностью. А у нас – человек видит, как из ноги, например, бьёт фонтанчик, и впадает

в ступор, его начинает мутить. Можно просто поплыть. Я всегда говорю: не нужно стесняться, когда ты боишься крови. Это естественно, когда ты не солдат, прошедший через разные ситуации, а просто человек с улицы. Это нормально. И я объясняла, что делать с таким состоянием. Например, если закинуло в состояние ступора при артобстреле, многие просто стоят, глядя на взрывы рядом. А таких надо хватать за шкирку, потому что пока дойдёт, что происходит, может и ранить, и убить. Так что психология – это тоже фактор очень важный.

Конечно, и практические навыки тоже давала. Наложение жгутов, повязок, условные обозначения, уколы обезбола – насколько всё это можно отработать друг на друге, настолько и работали. С манекеном, конечно, было бы попроще. Кроме того, отрабатывали эвакуацию. Человека нужно вынести из красной зоны на уровне земли на себе родимом. В жёлтой зоне могут подключиться товарищи, и можно хотя бы голову приподнять и перемещаться в полуприседе или даже во весь рост, смотря по рельефу местности. При этом зоны смещаются, жёлтая зона может стать красной, нужно снова занять позицию, найти укрытие, нужно всегда контролировать обстановку вокруг себя⁴⁴.

Эвакуацию транспортом тоже, естественно, отрабатывали. В идеале, конечно, тренироваться и с БТР, и с БМП, и с «Уралом». Но не всегда есть такая возможность, и чаще всего отрабатывали эту тему просто на легковом автомобиле. Опять-таки, вопрос, что есть в подразделении. Кто-то на «шестёрке» возит трёхсо-тых, а у кого-то есть «буханка». С «буханкой», конечно, проще. А кто-то выходит из-под огня исключительно в коробочке, потому что других вариантов нет. Но если есть БМП, то можно погрузить человека в десантный отсек, а с танком уже сложнее. Словом, много нюансов.

В основном я готовила военных. Но ходили и гражданские люди, кому это актуально здесь и сейчас. Меня хотели было закинуть на Юнармию, преподавать подросткам. Но изначально я взяла на себя слишком большой объём, и я поняла, что выгораю. Первая помощь,

конечно, всегда пригодится, но есть люди, для кого эти знания актуальнее, чем для Юнармии.

Так что довольно быстро я переключилась исключительно на военных. Кидала клич: мол, ребята, я приехала как есть, работаю за еду, если нужно – приеду, проведу занятия. Ну, и посыпались заявочки, заказики. Познакомилась с разными подразделениями, разными командирами. Начала работать. Деньги, с которыми приехала из России, я растягивала долго, но в итоге они закончились. Я поняла, что надо либо вернуться в Москву, либо найти какую-то подработку на месте. И тут меня сводят с Димой Бастраковым.

Когда я приехала в Донецк, то познакомилась с Акимом Апачевым⁴⁵. И как-то сидим, и я говорю, что деньги кончатся, нужна какая-то подработка, решаю, что делать. И буквально на следующий день он звонит и говорит, что есть такая гуманитарная организация «Тыл-22», они как раз ищут медика и в принципе лишние руки не помешают. Мы связались с ребятами, встретились в кафе «Хэппи Лайф» в Донецке. Состав у них тогда был скромный, очень мало людей. Была середина или конец апреля. Они сказали, что нужен медик, человек, который будет работать с фармацевтикой. И я согласилась.

44. Красная зона в данном контексте – место непосредственно под огнём противника. Жёлтая – рядом с красной, но вне зоны непосредственного прицельного обстрела. Зелёная – тыл.

45. Певец, рэпер.

Кира в перерыве между задачами. Фото Дмитрия Плотникова.

КАК Я ПОГИБ ПОД БАХ- МУТОМ

Приказ 227

Звякнул замок решётки автозака.
— На выход!
Знакомый с детства запах аэродрома.
Ил-76 с открытой рампой.
Зэки дружно и организованно располагаются
внутри борта. Лётчики просят не курить
в полёте.

Переодетые в УФСИНовцев военные раздают
воду и конфеты.
Настоящий полковник управы желает удачи.
В ответ получает тишину.
Летим молча, большинство спит.
Тема одна:
В автозаки больше не сядем.
На верхнем ярусе черноходы¹⁰² с Ки-
ровского строгаща.

Мы, БСники¹⁰³, внизу.
Аэродром, посадка, автобусы. Конвоя
нет. Автобусы.

В ангаре аэродрома подписываем контракт,
получаем форму и снаряжение.

102. «Черноходы» — заключённые из «чёрных» тюрем, живущих по «воровскому закону». За порядками в таких тюрьмах больше следит «смотрящий», чем администрация.

103. БСники — заключённые из числа бывших сотрудников силовых ведомств.

Фото Дмитрия Плотникова.

Всё старое летит в кучу мусора у ангара.
Через несколько часов дороги пересекли
границу и прибыли в лагерь, учебный.

Краткое вступительное слово убедитель-
ного мужчины с позывным Полковник.

Дезертирство — раз, алкоголь или нарко-
тики — два, насилие или мародёрство — три.
За это расстрел.

И основное:

Приказ Сталина за номером 227 «Ни ша-
гу назад!» никто не отменял.

Остальное по ходу.

— Добро пожаловать.

Заброшенный пионерский лагерь, быв-
шая птицефабрика.

Занятия, учёбы, стрельбы.

Работа двоек, троек, четвёрок,
шестёрок, восьмёрок.

Окопы, штурмы, медицина, эвакуация,
маскировка, зачистка зданий.

Главное — выполнение боевой задачи.

Эти слова я слышал и слушал каждый день.
На складе пионерлагеря, ночью, при свете
фонарей, я получил автомат со словами:
«Поздравляю со вступлением!»

Нет.

Добро пожаловать в ЧВК «Вагнер»!

Я ответил: «Не подведу!»

За три недели мне предстояло освоить так-
тику штурмовика, понять и научиться брать
с боем окопы и укрепления противника, стать штур-
мовиком, стать «Вагнером».

Я попал во второй взвод первого штур-
мового отряда.

Наш отряд имел задачу взять дорогу Бахмут-
Соледар в начале операции «Бахмутская мясорубка».

Отряд медленно продвигался по полям
под Бахмутом, продавливая оборону противника.

Мы прибыли в пополнение номерных взводов
отряда перед решающим ударом по направлению
на Бахмут.

Учёба закончилась.

Пункт временной дислокации в районе
Попасной.

Получаем патроны, остатки снаряжения,
промедол.

Пара дней отдыха.

Мёд, виноград, орехи, плов из тушёнки.

ПВД

На ПВД человек пятьдесят – резерв взвода,
пополнение.

В основном К-шники¹⁰⁴. Плюс команда стар-
шины, четыре человека.

В одном из домов человек пятнадцать
стариков-черноходов пытаются шатнуть режим.

Такой мини-бунт под лозунгом «Мы при-
сягу не принимали».

Вместе со старшиной, А-шниками и со-
знательными ребятами участвовал в его бес-
кровном подавлении.

Получаю характеристику: «жёсткий»
и «толковый».

На следующий день в составе пяти бой-
цов отправляюсь на передовую.

На рассвете 8 октября 2022 года
выхожу на позиции.

Километра три-четыре пешком –
и я на опорнике Плюмбума. Прибыл на замену
раненного вчера бойца.

На позиции трое: Плюмбум, Краткий
и Дентри. Ещё один, Талица, на сутки ушёл
на ротацию помыться, постричься.

На этой позиции я пробыл без особых при-
ключений 4 дня. За это время погиб Дентри.
Ночью он сменил меня на фишке. На позицию при-
летел одиночный снаряд, мина-полька беззвучная.
Дентри осколок попал за ухо.

Он был ещё жив, когда мы тащили его
по ночному сырому оврагу.

Он умер уже в больнице через пару дней,
не приходя в сознание. Эту новость я узнал
через неделю, встретив Краткого.

– Дентри «200», – сухо сказал он, пожав
мне руку.

– Теперь я понял, почему ты Краткий, –
ответил я.

Бахмутская мясорубка

Как написано на моей медали, «Бахмутская
мясорубка» началась 8 октября.

Позиция Плюмбума была четвёртая от пе-
редка, метрах в 400 от нуля, от нейтральной
полосы. Впереди нас были позиции Паромщика
и Крепыша. На самом передке стояла
группа Турка.

12 октября, на четвёртый день своего
пребывания на войне, я оказался в ней.

¹⁰⁴. Категории бойцов
Вагнера: «А-шники» –
добровольцы, «К-шни-
ки» – бывшие заключён-
ные.

Турок, Берканит, Дарбука, Электрик, Чита, ещё один трус, раньше служивший срочку в моём 119-м полку, и я.

Впереди был противник.

Нашей задачей было держать позицию и ждать команды на продвижение вперёд.

По правому берегу водохранилища шириной 50 метров уже штурмовала группа Ойтала, медленно выбивая противника с заранее подготовленных рубежей.

Чтобы не попадать под фланговой огонь Ойтала, противник без боя оставил позиции перед нами, и первое продвижение нашей группы шло без стрелкового боя. Противник огрызался огнём из миномётов и артиллерии. Его пехота спешно отходила, чтобы не быть отрезанной на левом берегу.

За несколько дней мы освободили обширный участок местности, пройдя около полутора километров. Прошли дамбу водохранилища и выровняли фронт по сухому оврагу, заняв укрепрайон примерно на роту.

За это время был ранен в ногу Чита и в тылу остался мой «сослуживец».

В группу прислали сапёра Ясу.

Заняв наблюдательный пункт на левом берегу оврага, я видел в 200 метрах опорник противника, который вскоре предстояло штурмовать.

100 метров поля до оврага и 100 метров от оврага до окопов.

По ним сутки работала наша арта и миномёты.

По нам работал противник.

К вечеру подошла группа Пятачка. Мы получили приказ приготовиться к штурму. Пятачок закрепился на нашей позиции.

Первый штурм

Получаем команду вперёд!

Задача: занять точку С-26, выбить противника, закрепиться.

Бросок с холма до оврага, почти по отвесной стене взбираемся на другой берег. 100 метров по открытому полю в гору.

Окопы противника. Два погибших от нашей артиллерии хохла, остальные сбежали.

Хорошие блиндажи, богатая добыча.

И главное – плацдарм на этой стороне оврага.

Рядом стрелковый бой. Одновременно с нами в атаку пошёл соседний 4-й взвод Питерского, они упёрлись в пулемётный расчёт.

По радиации слышу:

– Группе Турка атаковать пулемёт. Вперёд!

Берканит, деля захваченные трофеи, равнодушно произносит: «Пиздец нам».

Спешно, практически по открытке, выдвигаемся на точку Г-6.

Это начало «Галины», лесополки с литерой «Г», с нумерацией от 6 до 54.

Благодаря отчаянной атаке «питерских» на позицию Г-24 противник, боясь быть отрезанным на Г-6, видя наше движение, спешно отходит.

Забираем Г-6.

Два добротных блиндажа на пять человек. Окопы на две стороны лесополки. В двадцати метрах невиданный наблюдательный пункт под землёй.

Противник не отходит, а бежит. Бросает вооружение, бинокли, другую оптику.

Гранаты с булавками, подготовленные под растяжки, лежат безопасно под деревцем.

В блиндажах всё оборудовано, куча продуктов и барахла.

Нет только воды.

Под ураганным огнём миномётов зачищаем окопы, блиндажи, организуем дежурство на «фишке».

Ночь проходит без воды, без сна. С дождём и под огнём противника.

Двое суток Г-6 под непрерывным обстрелом.

Стараемся не высываться, потихоньку окапываемся, ставим мины прикрытия, сигнальные растяжки, подтягиваем боекомплект, готовимся к возможной контратаке.

За сутки два штурма, две занятых вражеских позиции.

Потерь нет.

Заняв Г-6, мы закончили зачистку обширного укрепрайона на правом берегу водоёма.

Выдавили противника в поля из удобного для обороны участка прибрежной пересечённой местности, богатого растительностью.

Наша группа на Г-6

700 метров лесопосадки в 15 метров шириной – и вот он, Г-24.

Узел обороны на десять блиндажей.

Под 100 метров окопов, перекрытия в три слоя сосновых брёвен.

Выгоднейший перекрёсток лесополос, не дающий продвинуться вперёд 4-му взводу своим фланговым пулемётным огнём. Ну, и единственный в сплошных полях путь под прикрытием лесополосы.

Закрепились на Г-6.

Через два дня обстрелы прекратились. Несколько дней живём относительно спокойно.

Здесь мы простояли около недели. За это время случилось несколько любопытных эпизодов.

В один из ноябрьских или октябрьских дней противник среди белого дня пошёл в атаку на наши позиции силами четырёх БМП с десантом и одного танка. Плюс, по данным нашей авиаразведки, на позиции Г-24 накопилось до 45 человек пехоты.

Общаясь с несколькими участниками того скоротечного боя, я не смог восстановить всё в подробностях, но общая картина была примерно такой.

За день до атаки противник взял в плен одного нашего бойца.

Допросив и узнав, насколько нас мало, спланировал операцию по прорыву фронта на этом участке.

4 наших опорных пункта одновременно атакуют 4 БМП под прикрытием танка.

Они выскочили в поле без арт-подготовки в полдень.

С Г-24 на мой Г-6 идёт полурота в 45 человек.

Кто из наших так филигранно сработал, я не разобрался, но за несколько минут были подбиты и сгорели 3 БМП с экипажами и десантом. 5 человек было взято в плен, около 15 убито.

С нашей стороны ни царапины.

Полурота потопталась на месте и отошла в тыл.

Танк и 1 БМП отступили.

Но совсем без потерь на Г-6 не обошлось. Погибли командир группы Турок и сапёр Яса. В темноте сбились с тропы и подорвались на mine.

В ту ночь бойца с позывным Дарбука отправили в командировку на другой участок фронта. Утром Берканит и Электрик ушли до «двухсотых», и я остался один на позиции. С полчасика в одиночку держал передовой опорник.

Вскоре к нам прислали нового командира, Шишу. Отличный боевой парень. С 2014 года на этой войне. Офицер, орденоседец. Плюс подкинули деда-чернохода из бунтарей первых дней.

Неожиданно вернулся Дарбука. Группа снова была в сборе.

Фото Дмитрия Плотникова.

Вы прочитали ознакомительный фрагмент первого тома «Книги Z», посвящённого 2022 году. В полной версии книги 390 страниц, 26 рассказов от участников и очевидцев, 80 фотографий.

Приобрести книгу можно на сайте издательства: chernaya100.com

Второй том «Книги Z» будет посвящён 2023 году.

главный редактор: **Дмитрий Николаевич Бастраков**
составители: **Евгений Александрович Норин**
и **Дмитрий Денисович Плотников**
литредактор: **Евгений Александрович Норин**
арт-директор: **Никита Викторович Лукинский**
верстальщица: **Софья Игоревна Алексеева**
корректор: **Михаил Спартакович Тейкин**
технические редакторы: **Тимур Русланович Венков**
и **Фёдор Александрович Мишутин**

Выпуск подготовлен
командой издательства
«Чёрная Сотня»

сайт и магазин: chernaya100.com
телеграм-канал: t.me/chernaya100
группа ВКонтакте: vk.com/chernaya100

Приглашаем посетить нашу книжную лавку «Листва» в Москве и Петербурге. Там регулярно проходят встречи с авторами, политиками и общественными деятелями.

В Ростове-на-Дону у нас есть «Зелёнка» – милитари-версия «Листвы», где помимо книг можно закупить бронезащиту и снаряжение.

Адреса легко найти в онлайн-картах.
Будем ждать!

Все наши проекты:

